

Монологи на площадях мира

Пьеса Георгия Зубкова называется «Монолог на Городской площади». Это — дебют драматурга.

Я не театральный критик, поэтому не берусь рецензировать пьесу или спектакль по ней, с успехом поставленный в Московском Новом драматическом театре режиссером С. Враговой, благо пресса уже сделала это квалифицированно и широко. Мне хотелось бы поговорить о других составляющих первого абзаца этих заметок — о том, что заключают для меня слова, из которых складывается название пьесы, а также понятие «дебют». Прежде всего — о дебюте.

Прежде всего, ибо, на мой взгляд, имеет смысл поговорить не только о дебюте литератора, а и о дебюте явления, дебюте процесса. В этом процессе Г. Зубков — один из первых, хотя сам дебют и состоялся раньше.

Я была свидетелем того, как на страницах журнала «Огонек», где я тогда работала, появились блестящие репортажи Генриха Боровика из регионов планеты, привычно называемых «горячие точки»: Индонезия, Вьетнам, Куба... Не стоило бы пользоваться этим термином, как очень уж многократно употребляемым, но, помню, тогда, читая эти корреспонденции, я подумала, что для читателя «точки» сделал «горячими» не только огонь бушующих там военных конфликтов, не только накал революционных битв. Страсть рассказчика, горячая его заинтересованность в отстаивании правоты вызвали горячий интерес читающих, придавая понятию «горячие точки» дополнительный смысл. То же чувство я ощутила, читая книгу Г. Боровика о Кубе «Зеленая ящерица».

Потом появились его пьесы «Мятеж неизвестных» и «Интервью в Буэнос-Айресе», обошедшие многие театры страны и мира. Тогда, видимо, и начался процесс, о котором я говорю: переход в драматургию международных публицистов. Приход профессионалов международной темы.

Появились пьесы Т. Колесниченко и В. Некрасова

ой причастности и выверяются нравственные и параметры идеалов, за которые сражается уже журналист, а драматург.

не пишу здесь подробно о пьесах Г. Боровика и В. Чичкова — «Литературная Россия» посвящала им отдельные статьи. Но адресоваться к их работам считаю неслучайным.

Все сказанное — черты явления, о котором речь. Все сказанное — черты драматургии и Георгия Зубкова.

Мы все знаем публицистические репортажи Зубкова, которые в течение десяти лет с телевизионного экрана раскрывали нам Францию, помогали понять хитросплетения политических дорог и тропок, по которым ведет эту страну история.

Я видела, как работает Георгий Зубков: в Париже во время европейского марша Мира нам предстояло делать общий репортаж. Собственно, репортером, делающим заметки, берущим интервью, была я. Работа Зубкова носила иной, куда более глубокий и серьезный характер. Он не «брал интервью», его разговоры с участниками манифестации были беседами людей, участвующих в общем процессе. Ведь борьба европейцев за мир стала судьбой, да, судьбой этого журналиста. И не «заметки в рабочем блокноте», а анализ происходящего, которое он изучил досконально, пришел на телевизионный экран.

Читая пьесу «Монолог на Городской площади» я, смотря одноименный спектакль Нового театра, я все время отмечала про себя: а это вот откуда пришло.

И правда. История забастовки полиграфистов. Это же история газеты «Паризьен либере». Зубков знал «механику» события изнутри.

Я слышала реплику героини пьесы Амика (Л. Медведева): «В нашем театре росли не доходы, а долги», — и вспоминала очерки Зубкова о его друге, актере и драматурге Робере Оссейне, ушедшем из коммерческого искусства, чтобы создать в Реймсе театр для тех, кто не может платить высокие цены за билеты. В этом театре-трибуне в самом деле «росли не доходы, а дол-

«Рок-н-ролл на рассвете», пьесы Василия Чичкова. Я сказала — пьесы профессионалов. Да, ведь существовали и до того образцы драматургии — и отличные, — где авторы размышляли над явлениями глобального процесса: симоновский «Русский вопрос», петровский «Остров мира», «Миссурийский вальс» Погодина, «В стране поверженных» Вирты и другие. И все-таки с приходом людей, о которых я пишу, началась новая страница нашего театра.

И дело тут не только в том, что журналисты-международники знают тему, как теперь говорят, не пона-

Московский Новый драматический театр. Г. Зубков. «Монолог на Городской площади». Марио — Б. ДЯЧЕНКО, Амика — Л. МЕДВЕДЕВА.

Фото В. КАЗУТО

ги, хотя сборы были полными и резонанс спектаклей огромен.

Зубков знал, как скупаются газеты, он близко узнал тех, кто становился хозяином этих газетных концернов, постиг их методы. Ему не понаслышке было ведомо, что заключено в цифрах французских бюджетов, отпускающих на развитие культуры менее процента: это была живая жизнь французских актеров и художников.

Главный герой пьесы и спектакля — журналист Марио (Б. Дяченко)—идет на крайний шаг, заставляя себя слушать. Он объявляет о том, что принял яд. Эта мысль могла прийти автору лишь потому, что он знает, знает в подробностях, что только сенсация способна на Западе приковать к себе внимание разномыслия прессы и заставить не просто выслушать человека, но и заговорить о его беде.

Да, все это было профессионализмом знания, хотя, разумеется, вступило на театральные подмостки уже в сплыве с воображением литератора, с дарованием, ибо без дарования знание еще не становится искусством.

Теперь о словах, составляющих название пьесы «Монолог на Городской площади».

Монолог — не случайная здесь форма обращения к людям. Профессия героя — та же, что автора пьесы и его коллег. Марио — журналист, побывавший во Вьетнаме, на Кубе, рассказавший об убийстве Альдо Моро. Его корреспонденции были монологами, обращенными к миру. И нужно, видимо, было произнести тысячи собственных монологов с телеэкрана, с газетных и книжных страниц, чтобы научиться этому общению, как это было в работе и биографии Г. Зубкова.

Далее. Городская площадь названа в пьесе с большой буквы. Это неслучайно. Так называются главные площади столиц, городов, это — имя. На главных площадях происходят главные события. Характер событий зависит от характера города. С главной площади нашего города, с Красной площади, мы вместе с Зубковым много лет рассказывали о биографии нашего го-

роода, в силу особенностей своей профессии являлись они сплошь и рядом участниками событий.

Василий Чичков, корреспондент «Правды» по Латинской Америке, мог говорить о кипящих там страстях, ибо прошел через все сам: он задышался в облаках слезоточивого газа при разгоне демонстраций в Венесуэле, его бросали в застенки Панамы, арестовывали в Боливии... Оттого герои его пьес «Неоконченный диалог» и идущей ныне «Этот странный русский» несут в себе то преобразующее, что позволяет журналистике становиться литературой: не умозрительную, а личностную причастность к логике повествования.

сударства, с главных площадей европейских столиц Зубков рассказывал о классовых битвах, маршах Мира...

С главных площадей он рассказывал о главном. Привычка к рассказу о главном — одна из главных же характеристик той «новой волны» международной драматургии, или, вернее, драматургии международных, о которой сейчас пишу.

Жанр театрального повествования может быть избран свободно — от трагедии до фарса. Однако это всегда рассказ о главном, о том, что изучено и прочувствовано публицистом. Пьеса Г. Боровика «Агент 00» — яркая политическая буффонада. Но ее мог написать только человек, способный на глубокий публицистический анализ, который он явил в передачах о деятельности ЦРУ. Проблема нравственного и политического выбора не была бы раскрыта в пьесах В. Чичкова, не посвяти он многие дни раздумьям над своими беседами с Сальвадором Аленде.

И не было бы пьесы Г. Зубкова, если бы жизнь главных площадей не стала его собственной биографией.

И, наконец, «площадь» — последнее слово в названии пьесы. Площадь может быть ареной борьбы. Площадь может быть подмостками праздника. Площадь бывает и просто местом вечерних прогулок и свиданий. Площадь, как ни одно иное пространство города, вмещает в себя всю полноту человеческого существования. Однако не индивидуума, а индивидуума в толпе или колонне. Раскрыть человека, личность во взаимосвязи с жизнью масс, страны, мира — что может быть важнее для современной литературы?

Именно за это и взялась наша «новая волна» драматургии — драматургии публицистов-международников. Об этом дебюте явления в театральном дебюте Георгия Зубкова-драматурга и хочется говорить.

О дебюте монологов с площадей мира, вышедших на большую авансцену театра.

Галина ШЕРГОВА